

И. Б. Иткин (Институт востоковедения РАН / НИУ ВШЭ, Москва),
А. Л. Леонтьева (НИУ ВШЭ, Москва)

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСОМ *-ТЕЛЬН(ЫЙ)* В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

Настоящая работа представляет собой краткое изложение предварительных результатов большого исследования, посвященного русским прилагательным с суффиксом *-тельн(ый)*. Прилагательные на *-тельн(ый)* представляют собой обширный (так, в "Грамматическом словаре русского языка" А.А. Зализняка их насчитывается много сотен) класс отглагольных производных с очень нетривиальными свойствами.

Хотя некоторые особенности прилагательных на *-тельн(ый)* уже были предметом рассмотрения (ср., в частности, работу [Коровин 1968] и ряд проницательных замечаний в недавней монографии М.Б. Ташлыковой [Ташлыкова 2013: 214-222]), "сплошного" их изучения, насколько нам известно, не проводилось. Между тем эти прилагательные представляют значительный интерес по крайней мере в трех отношениях:

1) морфологическом: правила выбора одного из членов видовой пары (ср. *употребительный* ← *употребить* (СВ), но *сберегательный* ← *сберегать* (НСВ));

2) семантическом: правила выбора участника ситуации, описываемой мотивирующим глаголом, с которой соотносится прилагательное на *-тельн(ый)* (ср. *исполнительный сотрудник* = *сотрудник (хорошо) исполняет поручения (субъект)*, *жевательная резинка* = *X жует резинку (объект)*, *промокательная бумага* = *X промакивает чернила с помощью бумаги (сирконстант)*, *созидательная деятельность* = *деятельность, в ходе которой X созидает Y (собственно предикат)* и т.д.;

3) историко-лингвистическом: нынешняя ситуация в группе производных на *-тельн(ый)* представляет собой результат достаточно быстрой по языковым меркам эволюции: еще в XVIII веке правила семантической интерпретации, а отчасти – и морфологические механизмы образования таких прилагательных были во многом иными.

Примечательно, что в подробнейшем описании прилагательных на *-тельн(ый)* в [Лопатин, Улукханов 2016: 653-657] рассматриваемые нами проблемы фактически даже не ставятся: и выбор мотивирующей лексики, и семантическая интерпретация каждого конкретного деривата принимаются как данность.

Кратко рассмотрим каждый из трех названных аспектов.

1) Правила выбора мотивирующего глагола могут быть сформулированы следующим образом:

– если глагол СВ относится ко II спряжению, выбирается этот глагол (*обольстить* → *обольстительный*);

– если глагол СВ относится к I спряжению и образует вторичный имперфектив с помощью суффикса *-ыва-*, выбирается глагол СВ (*описать* (ср. *описывать*) → *описательный*);

– если глагол СВ относится к I спряжению и образует вторичный имперфектив с помощью суффикса *-ва-* или *-а-*, выбирается глагол НСВ (*обогреть* (< *обогревать*) → *обогревательный*, *привлечь* (< *привлекать*) → *привлекательный*).

В пп. 1 и 2 исключения единичны (*замечательный*, *разведывательный* и неск. др.), в п. 3 их сравнительно больше (*признательный*, *сознательный*, *законодательный*, *пренебрежительный*, *предпочтительный*).

2) Поскольку образование прилагательных на *-тельн(ый)* представляет собой своего рода "морфологическую релятивизацию", кажется интересным сопоставление соответствующих правил с иерархией доступности именных групп [Keenan, Comrie 1977]: S > DO > IO > OBL > GEN > OCOMP. Можно показать, что интерпретация производных

на *-тельн(ый)* осуществляется не в соответствии с этой иерархией. Наиболее высокую доступность для трансформации обнаруживают единицы, примерно соответствующие зоне OBL Кинэна-Комри: косвенные дополнения в Т.п., предложные группы и даже актанты зависимого предиката (!), ср., например: *X указывает на Y пальцем* → *указательный палец*, *X плавает в бассейне* → *плавательный бассейн*, *X обязывает Y представить отчет* → *обязательный отчет*. Следующее место на шкале занимает подлежащее: оно свободно релятивизируется у тех глаголов, синтаксическим субъектом которых является не лицо (или необязательно лицо), ср. *место притягивает X-а* → *притягательное место*, *брюнетка (шкатулка) очаровывает X-а* → *очаровательная брюнетка (шкатулка)*. Возможность релятивизации субъекта-лица определяется сложным набором факторов, в том числе семантическим классом предиката. Так, в норме не допускают релятивизации личного субъекта глаголы движения и предикаты оценки: **метательный спортсмен*, **плавательный турист*, **одобрительный ревизор*, **отрицательный критик*. Напротив, легко релятивизируются субъекты глаголов (как переходных, так и непереходных), обозначающих способности, свойства характера и т.п.: *изобретательный*, *предусмотрительный*, *почтительный*, *старательный*, *общительный* и др. Релятивизация прямого дополнения, как правило, возможна, только если речь идет о неодушевленном объекте глаголов с несомненно одушевленным субъектом, ср. *X метает копье* → *метательное копье*, *X позволяет Y-у шалость* → *позволительная шалость*. Релятивизация косвенного дополнения в Д.п., судя по всему, вообще невозможна, ср. *X-ы мстят доносчику* → ***мстительный доносчик* (в этом понимании) и т.д. По-видимому, допустимости релятивизации субъекта и объекта способствует их осмысление как периферийных участников ситуации: средства, причины и т.п., ср. *спасательная команда* (команда, предназначенная для спасения), но не **спасательный инспектор* (*инспектор, предназначенный для спасения), *чувствительная рана*, *чувствительное поражение*, но не **чувствительная боль* (человек чувствует боль **по причине** раны, поражения).

"Параллельно" с данной иерархией объектом релятивизации часто оказывается сам предикат: *наступательная операция* – ‘операция, когда наступают’, *подражательные игры* – ‘игры, в которых подражают’ и т.п. Допустимость релятивизации предиката также определяется его семантическим классом (и, возможно, рядом других факторов). Кроме того, как кажется, релятивизация предиката тем более затруднена, чем легче у него релятивизируется субъект или объект (ср. *выжидательная тактика* / **выжидательный охотник* / **выжидательная дичь*, но *чувствительный подросток* / *чувствительный пинок* / **чувствительное состояние*).

3) В XVIII веке релятивизация посредством суффикса *-тельн(ый)* была значительно более свободной: в НКРЯ засвидетельствованы такие сочетания, как *желательный (чего-л.) человек* (= желающий), *сомнительные мнения* (мнения, когда сомневаются) и *сомнительный разум* (= сомневающийся), *проницательный камень* (= прозрачный) и мн. др. В дальнейшем за прилагательными на *-тельн(ый)* сохранилась прежде всего функция релятивизатора самой ситуации и ее периферийных участников, отличающая такие прилагательные от причастий. Интересно, что ситуация, напоминающая то, что происходило в языке XVIII в., отчасти наблюдается в современной разговорной речи.

Таким образом, с образованием прилагательных на *-тельн(ый)* связан целый ряд морфологических, синтаксических и семантических проблем, имеющих важное теоретическое значение.

БИБЛИОГРАФИЯ

Коровин 1968 – Коровин Ф.Г. Из истории становления качественных значений прилагательных с суффиксом *-тельн-ый* в русском языке // Научные труды филол. ф-та Кирг. Гос. Ун-та. Фрунзе, 1968.

Лопатин, Улуханов 2016 – Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М., 2016.

Ташлыкова 2013 – Ташлыкова М.Б. Семантические этюды о "синтаксической деривации". Иркутск, 2013.

Keenan, Comrie 1977 – Keenan E.L., Comrie B. Noun Phrase Accessibility and Universal Grammar // *Linguistic Inquiry*, № 8, 1977. P. 63-69.